

Василий ШИШКОВ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ РАБОТА

(По рассказу Алеси Кувykiной)

Года три назад в наш институт пришёл новый сотрудник. На общем собрании представился Андреем Дмитриевичем. Как Сахаров, сказал он, улыбнувшись. Рассказал коротко свою биографию: диплом с отличием, распределение в лабораторию известной фирмы, печатные работы. Через два года в фирме дела пошли плохо, и Андрей Дмитриевич появился у нас. Понятно было, что мальчик со связями. Вёл себя вначале скромно, иногда даже излишне застенчиво. Всей женской половине нашего коллектива он сразу понравился: высокий, широкоплечий, простое, открытое, не смазливое лицо, густые русые волосы. В беседах часто бывал остроумным, а приятная улыбка, которой он скрашивал разговор, невольно располагала к нему собеседника. Во время разговоров с сотрудницами, когда они чего-то не понимали и объяснение затягивалось, он иногда начинал краснеть. Меня это забавляло, и я, порой прикидываясь, что чего-то недопонимаю, продолжала его расспрашивать, например, о деталях планируемой работы. Он догадывался о моих происках и спокойно, с улыбкой принимал мою игру. Через некоторое время я всё-таки разучила его краснеть во время разговоров со мной.

У него сложились хорошие отношения с шефом, который был знаком с его отцом, профессором, известным специалистом в своей области. Через несколько месяцев наш новенький получил тему кандидатской диссертации по направлению, которое было далековато от деятельности нашей лаборатории, но при обсуждении на собраниях все кивали, что тема диссертательна. Направление и тема кандидатской, конечно, совпадавшие, были не новыми, но ему нравились. Никаких открытий его научная работа не сулила, но могла реально улучшить технологию некоторых процессов. Ему хотелось делать всё самому. Он вникал во все детали лаборантской работы. Процесс исследования захватил его целиком: долго просиживал вечерами за компьютером, задерживался в лабораториях, что совсем не нравилось лаборанткам. Многие девочки отказывались начинать с ним какой-нибудь эксперимент, потому что это могло закончиться ближе к полуночи. При всей его внешней обаятельности ни с кем из сотрудниц каких-то личных отношений у него не складывалось. Вначале были улыбки, мороженое и десерты с кофе, но потом это могло заканчиваться очередной внеурочной работой, но и не более того. В конце концов он остался один на один со своей работой.

Жил с бабушкой в отдельной трёхкомнатной квартире в спальном районе Питера. Недалеко от метро, а работа — ещё ближе. Несколько раз я заходила к нему, когда мне срочно понадобились ксерокопии каких-то статей. Квартира была захламлена всяким барахлом, с первого взгляда было видно, что давно не ремонтирована. Обычно я стояла некоторое время в прихожей, прислонившись к старым засаленным обоям. Слушала увертюру старого грохочущего холодильника. Потом Андрей выходил из своей комнаты с задумчивым видом, передавал мне нужные бумаги, и всё. Попытки получить более-менее расширенные ответы на мои вопросы за чашкой чая оставались неудовлетворенными.

Несколько раз Андрей ездил за границу. В Штатах и Канаде жили его родственники — эмигранты с Западной Украины. По возвращении он очень эмоционально и красочно рассказывал об особенностях американской жизни и внутрисемейных отношений в Америке, когда во главу угла поставлен коммерческий расчёт. Ему было интересно наблюдать, как отец семейства там рассчитывается с сыном, который забетонировал старику маленький порожек на даче, как будто с посторонним рабочим. Он удивлялся тому, чего у нас никогда нигде не встретишь. Вспоминал, что недавно построил матери на даче забор, забетонировал вдоль него, и никто ни о каких деньгах и думать не мог. Я с иронией спрашивала его, почему он тогда не подзаработал за границей, на что он с искусственным сожалением отвечал, что был бы рад, но там он обитал только на правах гостя. Много рассказывал о состоянии науки, об особенностях

финансирования различных научных проектов, об оборудовании и, конечно о зарплате. Разговоры о зарплате очень больно задевали всех: просто не верилось в такую гигантскую разницу между нашим жалованием и доходами наших коллег за океаном. При вопросах о возможности остаться там, он отвечал, что язык и знания ему это позволяли. Задержаться на полгода у родственников, получить, наконец, от них какую-то протекцию для стажировки и последующей работы, а в Штатах тоже очень многое решается по протекции, — всё это было возможно. Он отшучивался на наши расспросы и говорил, что остаться там навсегда ему бы не хотелось.

Прошло года полтора, как он у нас проработал, и один раз мне всё-таки удалось попроситься вместе с ним в кино, на какую-то мыльную американскую мелодраму. Ему было скучно, хотя после фильма он пытался рассмешить меня забавными историями и анекдотами, рассказами о своих поездках в Америку. Потом, проходя мимо кафе, я потянула его туда. Хотя дома меня наверняка поджидала рассерженная мать с моей малолетней дочерью, я решилась и на эту авантюру. В кафе ему стало совсем скучно. Теперь уже смешные и не очень байки из истории нашей организации рассказывала я. Пытаясь как-то заинтересовать его историями из личной жизни наших сослуживцев, я не сразу заметила, что ему всё это безразлично. И после одной рассказанной, как всем казалось, смешной истории, когда нужно было бы засмеяться или хотя бы улыбнуться, он спросил, что у меня с литобзором, я поняла, что пора уходить. Проводил он меня не до дома, хотя время было позднее, а только до автобусной остановки. Следующий рабочий день прошёл, как обычно. Пыталась несколько раз пригласить его домой, на что он отвечал отказом, ссылаясь то на нездоровье бабушки, то на необходимость идти в центральную библиотеку, где якобы заказаны важные книги.

Через месяц на моём дне рождения, во время скромного застолья на работе, я с трудом вытащила его на медленный танец. Один из наших микро-шефов, грубоватый своими откровенными шутками грузин Георгий Георгиевич, а между нами просто Гоша, кричал ему:

— Андрос, смотри, какая баба! Ведь упустишь, не найдёшь. А что мужик без бабы? Палка голая в чистом поле! А с бабой ты уже дважды отличник, уже десятка! Конечно, смотря с какой стороны будет бублик, — широко улыбался Гоша, начиная использовать свой мягкий грузинский акцент. — Андрос, слышь, скажи, ты же в школе отличником был? Ну что мотаешь, хочешь к нам, хулиганам, примазаться, хочешь сказать, что не был? Знаю ведь, что был... А кто нам будет стол накрывать на твою защиту, Андрос Димитрикос? — Андрей густо краснел и отворачивался. Я смотрела куда-то вниз. — Баба ему нужна, нашему Андросу, а что ещё? — не мог никак утомониться Гоша. — Диссер у него и так готов в голове, а наша именинница ему прямо кстати. Вон какая статная, эх, какая женщина, какая женщина! А что до дочки, так, значит, уже проверено, годно значит. У меня вторая жена тоже с дочкой, а что? Именинница, ты-то как, а?

— Георгич, может хватит? Именинница как-никак!

— Вот именно ты как, а тот никак... Ну ладно-ладно... Уладим и это дело... Эх, какая женщина, какая женщина... — пытался напевать Гоша, наливая себе очередную рюмку. Второго белого вальса у нас больше не было. Андрей как-то засуетился и ушёл раньше всех.

Вскоре после этого он опять исчез на два месяца в своей очередной загранпоездке. А через некоторое время после возвращения он поделился со мной, что хочет основные эксперименты проводить дома. Это меня очень удивило. В принципе, можно было бы всё прекрасно делать и на работе, пусть раза в два, в три медленнее, из-за неторопливости и лени лаборанток, из-за нехватки животных, корма, препаратов и других средств, но ему не терпелось. Он хотел делать всё сразу, хотел всё быстро и чтобы всё сам. Через некоторое время он сказал мне, что хочет со мной посоветоваться и пригласил меня к себе домой.

В коридоре, как и во всей квартире, была всё та же захламлённость. Только теперь к запаху старых вещей присоединился острый запах крысиного помёта. Из комнаты раздавалось попискивание. Он провёл меня туда. В комнате стоял полумрак — шторы были занавешены. Там царил полный беспорядок — мятой одеждой завалены оба стула. Какие-то тряпки лежали на полу, у окна. На столе — покосившиеся высокие стопы книг и журналов. Между ними монитор, клавиатура на каком-то американском журнале. Старый позарпапанный шкаф с приоткрытой дверцей. На стене со старыми, наверное, ещё с советских времён обоями висело несколько рисунков с видами Америки и три или четыре портрета пожилых мужчин и женщины, сделанных простым и цветными карандашами. Рисунки были, пожалуй, единственным, что как-то оживляло жилище моего знакомого. Я некоторое время задержала на них взгляд. Они были как-то небрежно прикреплены к обоям скотчем. Я хотела было что-то спросить по поводу рисунков, но он развёл руками:

— Вот... Вот так мы и живём... — взгляд невольно упал на кровать, на которую наискосок было наброшено что-то типа покрывала. На кровати стояли две клетки с крысами. На полу — ещё три клетки с животными. Животные беспокойно бегали по клеткам.

— Н-да... — морща нос, я втянула воздух. В непроветриваемом помещении резко пахло помётом.

— Да-да, — торопливо подхватил Андрей. — Пока такой вот беспорядок. Извини, если что...

— Да ничего... Нормально... — а что я могла сказать?

— Знаю, что ты скажешь — нормально для ненормальных, — продолжал суетиться Андрей. — Вот, видишь, мои ребятки, какие хорошенькие, правда? — он полез в одну из клеток, стоявшую на кровати, и достал животное. — Красавица, правда? — я промолчала. — Ну что ты молчишь, — не унимался он, — а знаешь, какой она линии? — потом некоторое время мы обсуждали генетическую родословную его нового семейства. — Может, кофейку принести, а? — он посадил уставшую от его рук крысу в клетку, потом смахнул со стула одежду на пол, отодвинул стул от стола, заваленного пыльными журналами. Сделал движение рукой, как бы приглашая меня сесть. Я пожала плечами и уже который раз сморщила нос. — Ну, если тесновато или... — он посмотрел на меня, улыбаясь, — то можно и на кухню. Соседняя комната, хотя и большая, но там тоже тесно, старая мебель, потом, я закупил несколько клеток. Пустые пока... Да, главная экспериментальная работа будет там, а здесь планирую всё для контроля или в коридоре. В маленькой комнате — бабушка.

— А как она смотрит? — спросила я его серьёзно.

— Что как? Наука требует жертв! — он широко улыбнулся своей неотразимой улыбкой.

На кухне крыс не было, но запах помёта, к которому я начинала уже привыкать, стоял и там. Я попросила приоткрыть окно. В раковине — немытая посуда, на плите — грязные кастрюли. На столе между неубранной посудой несколько пакетов с крупой. Он поставил посуду со стола в раковину, придвинул мне стул.

— Вот, рассчитываю питание своим детишкам, — показал он на крупы.

— Понятно. Андрей, а руки можно помыть? — я подняла на него глаза, и щеки его начали еле заметно краснеть.

— Да-да, я забыл, что самое главное — это чистота экспериментальной работы! — он опять широко улыбнулся. Провёл меня в ванную комнату. В самой ванне стоял тазик с замоченными носками, на полу лежало грязное бельё. — Не успеваю, видишь... Бабушка только иногда в магазин, погулять, и всё... А остальное — Андрюша, Андрюша...

— Ты бы и сам руки-то помыл... Андрюша, — заметила я ему. Он опять слегка покраснел. Помыли руки. В ванной полотенца не было. На кухне он дал мне кухонное полотенце в жирных пятнах. — И стирка на Андрюше? — теперь улыбнулась я.

— И стирка, и глажка, и магазины, по большому счёту, на мне, и работа...

— И что, бабушка к плите не подходит?

— Да нет, самое главное, что она готовит и очень даже хорошо готовит. Вот голубцы, вчерашние, правда. Борщ есть. Хочешь попробовать? — он открыл холодильник. — Может, салатик сделаем?

— Андрей, спасибо, я на работе пообедала. Давай просто кофе попьем и без лишних калорий.

Он взял из шкафа чистую чашку с ложкой, помыл её, принёс из комнаты чистое полотенце и вытер мою посуду. Предложил быстрорастворимый кофе. Себе он насыпал четыре чайных ложки кофе в большую старую потрескавшуюся чашку с толстым слоем накипи изнутри. Достал из шкафа пачку печенья. Начали говорить о его работе. Я всё время пыталась отговорить его от проведения эксперимента в домашних условиях. Ведь всё равно биоматериал пришлось бы носить для дальнейшего изучения на работу. У коллег и оппонентов возникло бы много вопросов по поводу пресловутой чистоты эксперимента, за что он так постоянно боролся. Однако он спокойно и довольно убедительно доказывал мне, что всё у него будет задокументировано, что все животные из специального вивария, говорил, что всё будет записано на фото- и видеоаппаратуру. Ссылаясь в разговоре на какого-то чудака в Америке, который якобы пытался дома проводить экспериментальную работу на свиньях. Я попыталась пошутить по поводу свиней и бекона, но он не воспринял моего юмора. Потом продолжилось обсуждение деталей его работы. Андрей что-то постоянно записывал по ходу разговора. Потом, как мне показалось, начал что-то зарисовывать, закрывшись сахарницей. Расставаясь, он снова начал шутить, а у двери подарил мне мой портрет, который он сделал, пока мы пили кофе. Мне показалось, что это была работа классного профессионала. Он точно скопировал меня и не просто скопировал, но также передал в своём маленьком рисунке мою иронию и какую-то грусть, которая преследовала

меня во время разговора с ним на кухне.

— Ну что? Похоже? — улыбнулся Андрей.

— Не ожидала... А на стенах? Это тоже ты рисовал?

— И на стенах, и за стенами, — продолжал он улыбаться.

— И много у тебя рисунков?

— А может, два, а может, три чемодана.

— И что, никто не знает об этом?

— Вот ты узнала.

— Интересно... — я хотела найти повод, чтобы задержаться хоть ненадолго, но дверь была открыта.

— Жизнь вообще интересная штука, — лицо его становилось серьёзным

— Андрей, послушай, ты меня так удивил...

— Жизнь интересна и удивительна.

— А ты где этому учился?

— Ты знаешь, нигде...

— А может... — моё «может» закончилось дружеским похлопыванием по плечу и пожеланием удачи.

Следующий день прошёл, как обычно. Несколько раз пересекалась с Андреем по работе. На мои попытка как-то начать разговор он отвечал улыбкой и, ссылаясь на занятость, делал вид, что сильно спешит.

Две недели после этого прошли, как обычно. Большинство готовилось к очередной конференции. Во вторник мы не сразу заметили, что Андрей не пришёл на работу. В конце дня я не решилась позвонить ему домой. А в среду Гоша в начале работы подозвал к себе и сказал, чтобы я срочно шла к Андрею.

— Давай бросай всё и иди разберись, что там такое... Экспериментальная работа... Неладное что-то там...

— А что случилось?

— Что случилось... Иди давай быстрее. Потом перезвонишь; если что, задержишься там... — он серьёзно посмотрел на меня, не принимая взглядом никаких лишних вопросов.

— Так что же всё-таки...

— Всё-таки... Иди уже и разберишься, — категорично сказал Георгиш и, отвернувшись, процедил сквозь зубы: — Экскриментатор... Этого ещё не хватало... Учудил... — он достал пачку сигарет и резко повернулся в мою сторону: — Ну что стоишь? Курить будешь?

Я быстро прошла в свой кабинет, сбросила халат, накинула куртку, поменяла обувь, обула уличные туфли с невысоким каблучком, на несколько секунд задержалась перед зеркалом. Сначала хотела подкрасить губы, потом почему-то передумала.

На дворе стояла ранняя весна. Между лёгких облаков выглядывало и ослепительно светило солнце. Налетали приятные порывы прохладного ветра, раздувая мою не до конца застёгнутую куртку, как парус. Ветер трепал мои волосы, платок на шее и плотную ткань моей юбки. Где-то в голых кронах деревьев пели синицы. На сирени, росшей вдоль дороги, набухли и полопались почки. На влажной земле дотлаивали последние кучки грязного снега. Почему-то выйдя тогда на улицу, мне стало легко и приятно. То ли потому, что наступала весна, то ли потому, что на некоторое время удалось выбраться на свежий воздух из спёртой атмосферы лаборатории, то ли от предвкушения новой неожиданной встречи с Андреем. Что он там мог учудить? Животные устроили революцию? Или пожар? Но газа у них в доме не было, горелка как будто ему была не нужна. Потоп? При таком беспорядке, в каком он обитал со своим зоопарком, нетрудно было бы учудить и потоп. Я представила, как клетки с крысами плавают по коридору, а соседи барабанят в дверь, и невольно улыбнулась. Или действительно случилось что-то серьёзное, но что? Творческая личность. Запил?... Один раз его видели хмельным, это было на банкете после защиты одного сотрудника из соседней лаборатории. А если он и правда пьян, а бабушка не справляется и дозвонилась до Георгиша, чтобы ей помогли? Интересно будет поухаживать за пьяненьким Андрюхой... Ну не мыть же его в ванне? Какой же интересный и непонятный парень. Такие красивые рисунки... Мог бы стать известным художником или по крайней мере зарабатывать себе на хлеб... Он сказал, что у него два чемодана таких рисунков. Навряд ли обманывает. Я вспомнила, как при подготовке постеров к одной из конференций он быстро заполнил пространство между сухими научными текстами рисунками с мышками, колбочками, пробирками. Просто никто не видел, как он тогда это сделал. Потом, после этих рисунков, к нему стали приставать со стенгазетой, с другими просьбами, но он наотрез отказывался. Мысли скакали вместе со стуком моих каблучков. Андрей, Андрей... Я говорила о нём своей маме. Интересно было бы...

Незаметно я вошла в знакомый обшарпанный подъезд, поднялась на лифте на пятый этаж и, внутренне улыбаясь, готовилась встретиться с «учудившим». Дверь в квартиру была открыта. Это настораживало. Из квартиры шёл резкий запах крысиного

помёта. Я напряглась и постучала в приоткрытую дверь.

— Да-да. Подождите, — откликнулся незнакомый хриплый мужской голос, — я сейчас... — дверь приоткрыл грузный офицер милиции. — Вы кто? С работы? — спросил он.

— Да... — в глазах у меня потемнело.

— Ну, проходите. Проблемы у вашего коллеги были, которые он оставил решать нам...

— Что?... — сердце у меня бешено заколотилось. Я сделала несколько резких шагов, споткнулась об одну из клеток с пищущими крысами, которыми был заставлен весь коридор, и упала на руки. Ладони испачкались крысиным помётом.

— Что такое? Этого еще не хватало! И так уже один... — начал было возмущаться милиционер и, положив на холодильник папку с бумагами, хотел подойти помочь мне. Однако я быстро встала, отряхнув грязь с ладоней, подошла к двери, приоткрыла и увидела его.

Он лежал наискосок на своей кровати, покрытый покрывалом. С потолка вместо старой люстры свешивалась рваная верёвка. В клетках, стоявших около окна, на полу сутились и пищали крысы.

— Ну как вы, девушка? Не сильно ушиблись? Вам плохо? — милиционер подхватил меня за плечи и почти волоком потащил на кухню. Он усадил меня на стул, прислонив к стене, брызнул на лицо воды, потом полотенцем, смоченным холодной водой, растёр виски.

— Всё, всё. Успокойтесь. Дышите глубже, дышите глубже! — кричал милиционер. Я вдыхала глубже, и в горле стоял резкий запах крысиных испражнений. — Всё! Уже не вернёшь... — продолжал он...

Потом и этот, и несколько последующих дней прошли для меня, как в тумане. Никто не мог ничего понять. Никаких записок не было. На похоронах было очень мало людей. Я, две лаборантки, трое ребят из нашей и соседней лаборатории. Остальные сослуживцы поминки устроили на работе. Было несколько любопытствующих бабулек из подъезда. Из близких приехала только мать. Бабушка лежала в больнице. Отец был в далёкой командировке за границей, сестра Андрея жила в Германии, и у неё были какие-то проблемы. Рисунок, подаренный Андреем, моя мать случайно залила водой и выбросила. Через несколько дней после гибели Андрея, пока бабушка лежала в больнице, в квартире возник большой пожар. Говорили, что это был поджог.

Прошли годы. Я до сих пор не могу спокойно себя чувствовать, если в воздухе присутствует запах, хоть чем-то напоминающий крысиный помёт. Из-за этого даже задержалась защита моей диссертации, и всё потому, что сама не могла контролировать работу лаборанток. И ещё... Каждый раз весной, когда налетает порыв свежего весеннего ветра, я вспоминаю свою последнюю дорогу к Андрею, дорогу в непознанное, туда, что нам неведомо...

«МИР ПОЙДЕТ ОТ ЧЕРНИГОВА»

1

— Мама, мою Лялю забыли! — воскликнула Света, разбирая игрушки, которые недавно высыпала из мешка.

— Не расстраивайся, доченька, у нас скоро будет настоящая ляля, и ты будешь с ней, точнее, с ним играть и мне помогать. Ты ведь хочешь, чтобы у тебя был настоящий братик, а не игрушка? — откликнулась мама Светланы, разбирая коробку с бельём.

— Ну это да, а как я буду сегодня спать без Ляли?

— Зато у тебя есть мягкий, ласковый Миша. Неси мне его! — мама девочки достала из коробки детскую подушку, подошла к дочери, взяла игрушку, положила на подушку, и запела: — Спят усталые игрушки, мишки спят, одеяла и подушки ждут ребят ... — она подошла к детской кроватке, в углу комнаты и, качая подушку с игрушкой, положила у изголовья. — Вот и кровать папа тебе успел собрать, и у тебя будет уютный уголок, где можно спать и смотреть сладкие сны.

— Да... А где ты с папой будешь спать сегодня?

— Наверно, на диване, если папа сможет разгрузить свой прицеп.

В это время в прихожей послышался шум.

— Наташа, подойди ко мне... — мама Светы пошла на зов. Муж заносил в коридор связанные стенки и полки шкафа. — Хочу с тобой посоветоваться. Где мы будем этот шкаф ставить?

- Так это же детский шкаф. Значит, его надо в комнату Светы.
- Это понятно, а тогда где будем делать детский спортивный уголок?
- Саш, а ты спрашивал у хозяев разрешение на сверление и установку спортивного инвентаря?
- Согласие хозяев на сверление есть, да там и немного дырок надо.
- А сам инвентарь где?
- Договорился, но... Но пока, наверно, нескоро дадут, это же...
- Тогда не проще ли установить детский шкаф в комнате Светы, а когда получим всё для спортивного уголка, тогда и решим, что и куда?
- А вещи для маленького куда будем класть?
- Ну, наверно, в наш шкаф, а потом... А как ты диван наш потащишь? Я же боюсь тебе помогать.
- Правильно делаешь, что боишься. Так же, как и холодильник. Мне с холодильником Иван помог. Хороший мужик этот Ваня. Помнишь, ещё в первый раз, когда только приехали смотреть квартиру, мы тогда с ним познакомились.
- Да, он, по-моему, из Новошатска.
- Короче, он скоро на обед придёт с работы, ну, тогда и занесём по-быстрому.
- Успеете?
- Конечно, я же спинки открыл.
- А когда ты поедешь?
- В обед... Как только, так сразу. Разгрузимся, сложим всё — и вперёд.
- И прицеп потащишь?
- Так он сам покатится, даже будет меня подталкивать: давай-давай! Ну а потом, как отец будет бросать хозяйство и уезжать без прицепа?!
- Саш, только обещай, что...
- О!.. Обещаю быть хорошим мальчиком, не брать с собой по пути плохих девочек и тем более мальчиков...
- Саш, не дури! Пожалуйста, мы тебя очень ждём, поэтому едь через Ламай, не поворачивай на этот Старо...
- Как захочешь поломаться и любимой улыбаться, то ты время не теряй, а скачи скорей в Ламай!
- Саш!.. Ну правда! Ты ведь хочешь, чтоб у нас всех, а главное у твоих деток, было хорошо?
- Наташа, правда-правда! Я знаю, что всё у нас будет хорошо, это настоящая правда, да-да-да! — Александр потянулся к жене. Взял её за кисть, перебирая пальцами выше к локтю. Жена откликнулась на его жест, приблизившись к нему, стала слегка придавливать мужа своим выпуклым животом.
- Саша, ты чувствуешь? — спросила Наталья. Александр мягко коснулся живота супруги своей левой ладонью.
- Да!.. Так!.. Видчуваю! Як цэ у вас гово́рять?¹
- Саша, прекрати сейчас же! — Жена несколько отстранилась от мужа.
- *Мэни здаецься инколі я чую,
Як сэрце всэсвиту надрыўно стукотыць,
И влэсным сэрцам я йому вторую —
Лэчу, лэчу у зоряну ту мить...*²
- Откуда ты берёшь такие вирши? — воскликнула Наташа.
- А всё оттуда... Когда реабилитировался, при храме, где я по твоей протекции приходил в себя, после... Да ты ведь знаешь, что это недалеко отсюда. Мир так тесен... А там был такой же, как я, только с твоей Черниговщины и с большим стажем. Он был сильно повёрнут на всей этой кухне с самостоятельностью — самостийностью. Со всеми только на своей мове — суржике разговлял, а по вечерам нас своими стишками кормил. Вначале это было, как испытание, а потом привыкли. Мне даже некоторые понравились. Слушай, у вас там все такие космические? — Александр снова потянулся к жене. Ведь ты... Ты же — Всэсвит! Вселенная! Космос!
- Дураков везде полно и дур тоже, но в наших местах, кстати, очень много русских сёл, где старообрядцы издавна жили, а теперь...
- Теперь немножко другие времена. А зараз, вже йныша зара́за! Алэ...³ — Александр нежно погладил выпуклый животик жены, а Наташа прильнула щекой к груди мужа.

¹ Да! Да! Слышу! Как это у вас говорят? (Укр.).

² Мне кажется, иногда я слышу,
Как сердце Вселенной надрывно стучит,
И собственным сердцем я ему вторю, —
Лечу, лечу в звёздное то мгновение... (Укр.).

³ А сейчас уже другая зараза! Но... (Укр.).

— Чувствуешь нашего малыша? — она подняла глаза вверх, улыбаясь.

— Чувствую, что кто-то есть.

— Если чувствуешь, то ради малыша нашего, ради нашего чувства, ради меня, ради всех нас, пожалуйста, не поворачивай... Не делай поворот на этот Староберёзов — едь домой через Ламай!

— Наташенька, дорогая, это больше ста километров по забитой машинами трассе надо объезжать всю округу! Ты представляешь, сколько бензина, а главное, сколько времени это займёт? Тогда я не успею на вечернюю электричку к вам. А ещё отец хотел по-быстрому смотаться в Новые, ты ведь знаешь, это около Трёх Сестёр. Он хотел, чтоб внезапно так, резко забрать бабушку Нюру с собой, пока она будет растерянной от неожиданности. Он собирался сегодня завидно доехать до неё и вернуться, а выезжать собирался сегодня в ночь. Без бабушки Нюры никуда он не поедет.

2

После сборки мебели и быстрого обеда Александр тихонько поцеловал Свету, которая заснула в кровати со своим Мишей. Взял барсетку с документами и ключами, вышел из подъезда. У любимой «четвёрки» его ждала Наташа. Она стояла с небольшим пакетом.

— Здесь в контейнерах домашние котлеты — вечером поешь и домашних угостишь, а в бутылке компот. Ты ведь в дорогу не пьёшь, так, может, потом выпьешь.

— Компот не водка, много не выпьешь!

— Саш, ну хватит про водку. Только обещай, что не через Староберёзов, только через Ламай, хорошо? — она напряжённо всматривалась в его лицо.

— Если хочешь прямо в рай, то скажи скорей в Ламай...

— Саша, дорогой, — поставив сумку на капот, она потянулась к нему, обняла его. Наташа уперлась спиной в водительскую дверь. — Не через Староберёзов... — выдохнула она.

— Дверь, Наталья, открывай, чтобы я скакал в Ламай! — ему никогда не нравилось долго прощаться. Поцеловав жену в лоб и мягко отстранив её, он залез в кресло водителя. Пока прогревал машину, Наташа стояла рядом и держалась обеими руками за водительскую дверь через открытое стекло. Она умоляюще смотрела в его боковой профиль, а он, наверное, чтобы отвлечь её, немного нажал на газ, к шуму двигателя присоединились грохочущие звуки. — Опять глушитель начал разбалтываться, на яму надо. Придётся с Ванькой потом переговорить насчёт ямы.

— А ты доедешь с таким?

— Да хоть без глушака, чтоб твоих земляков припугнуть, а вдруг я на танке...

— Не вспоминай больше этих!.. — воскликнула Наташа и как-то напряглась при этом, а он, почувствовав, что сказал лишнее, невольно потянулся к её тонким пальцам, которые держали дверь изнутри, наклонился и поцеловал их. Она же тоже наклонилась, чуть приоткрыв рот. Александр потянулся в открытое окно, губы их встретились.

— Жду тебя, — чуть слышно прошептала она.

— Пора, — ответил он.

Наконец, Наташа выпрямилась, отошла от шумного автомобиля, и он поехал.

Вот в боковом зеркале мелькнуло её красивое лицо. В зеркале заднего вида — поплыла её фигура, немного неуклюжая, но такая любимая с выпуклым животиком. Александру вдруг показалось, что он где-то когда-то уже видел это, а может, ему почудилось, что он снова увидит всё это... Вот она исчезла за углом дома. Потянулись улицы, перекрёстки, один, другой. Через некоторое время медленно проехал мимо полицейского поста на окраине, мимо танков и орудий времен Отечественной, стоящих вдоль дороги. Потом потянулась длинная объездная дорога с высокими соснами, перелесками вдоль шоссе.

Наконец, спустя четверть часа сбоку проплыли голубые озёра с редкими отдыхающими, несмотря на хорошую тёплую погоду. Перед выездом на трассу заправил полный бак и ещё канистру бензина, чтобы отцу не надо было заправляться. Перед ним лежала хорошо знакомая трасса. Движение на ней было не такое плотное, как на окружной, но фур, как всегда, много. В основном это были трейлеры с белорусскими и турецкими номерами. Прислушиваясь к шуму мотора, который иногда начинал сильно грохотать, Александр невольно вспоминал то, что прошло в этой жизни и что предстояло.

Пока тащился за длинной чередой турецких фур, почему-то начал вспоминать тётку Надю. Она, как и вся его родня, жила в их районе, потом вышла замуж и уехала надолго на Север. Много лет прожила там с мужем, родила сына и дочь, а когда муж умер, вернулась на родину, стала жить в райцентре. Тётка Надя не любила рассказывать о себе, но как-то раз, после хорошего застолья по случаю чьего-то дня рождения, она поведала ему историю о том, как её лечили на Севере. Вскоре после смерти мужа она попала в ДТП и в больнице долго не могла прийти в себя. Больше двух недель лежала на аппарате искусственного дыхания. Тётя Надя подробно описала Александру всё,

что чувствовала, и главное, что видела, пока находилась в коматозном состоянии. Он не знал, почему уединившись именно с ним, Надежда рассказала ему в подробностях о своих ощущениях в состоянии комы. Спустя некоторое время родственники стали замечать, что Надежда часто правильно предсказывает разные события, начиная от погоды и заканчивая серьёзными бытовыми проблемами. Однажды в узком кругу близких ей сказали об этом. Она попросила никому из чужих про её способности не говорить. Когда же Александр встретил свою Наташу, а случилось это лет двенадцать назад, на фестивале у «Трёх Сестёр», на границе трёх братских республик, то он решил посоветоваться со своей тётей.

Он влюбился в свою будущую жену с первого взгляда. Наталья на том фестивале выступала со своим песенным ансамблем из соседнего украинского района. Она многим нравилась: симпатичная, статная, звонкая, бойкая. Да и Александр, недавно отслуживший в армии, мало кому уступал. Он для смелости выпил граммов сто и пошёл к понравившейся ему девушке. Познакомившись, Александр потом все дни фестиваля ни на шаг не отставал от Наташи. Это было в конце июня, а в середине июля он уже засобирался ехать к ней в соседней район, который стал соседней страной. Дорога была недалёкая — ещё ходили автобусы, электрички, поезда, да и отец дал ему доверенность на машину. Тогда перед поездкой Александр решил зайти к тётке Наде. Ему было и страшно, и очень интересно узнать, что же она скажет о его выборе.

Надежда долго рассматривала его, взяв в руки обе его кисти, всматриваясь в его глаза, а потом внимательно разглядывала две фотографии его любимой девушки, которые ему удалось сделать на фестивале. Он пытался уловить мимику своей тётки, хотел заглянуть ей в глаза, но она, как обычно после таких процедур, долго сидела молча, немного наклонив голову и закрыв лицо руками. Потом, приподнявшись, взглянула на него и отвела глаза. Надежда сказала, что девушка поможет ему во многом в этой жизни, главное, что избавит его от змия — зелёного змия, который собирался просыпаться в нём. Гадалка говорила, что девушка эта должна спасти его от гибели, наконец, сообщила, что он будет очень счастлив с нею, но... Тётя Надя почему-то отвела глаза, и ему показалось, что они заблестели, затем она резко поднялась, подошла к окну. Облокотившись об оконную раму, долго смотрела во двор, где спокойно гуляли куры и что-то клевали, и вдруг Александр увидел, как тётя подняла руку к глазам, и голова её, и плечи начали вздрагивать. Потом успокоилась, и несколько минут они молчали. Наконец, не глядя в сторону племянника, Надежда сказала каким-то изменившимся хриплым голосом:

— Не знаю, что сказать. Ты будешь с ней счастлив, даже очень счастлив, не знаю, как... Как долго, не знаю... Время так быстро летит, так быстро... Да ещё так быстро всё меняется! Короче, всё всегда когда-то закачивается. Только не говори никому!

Александр встал и хотел приблизиться к тётке, но она, почувствовав его движение и не обернувшись, замахала рукой. Продолжая смотреть в окно, сказала, что хочет побыть одна.

Александр, глядя на высокие задние двери грузовой машины, вспоминал, вспоминал, вспоминал... Ему было стыдно теперь припоминать, как Наташа вытаскивала его из пьяных компаний, как часто ездила к нему в общежитие для зависимых при монастыре, как несколько раз спасала его во время его буйств и отравлений неизвестным алкоголем. Наконец, сейчас, в такое непростое время, она нашла для них хорошую квартиру в аренду по скромной цене в новом спальном районе областного центра, чтобы пережить надвигающуюся катастрофу. Большой город охраняется серьёзнее, чем их деревенский райцентр, есть надежда на хорошую работу и вообще надежда на жизнь, тем более что скоро ожидается пополнение в семье.

После крутого спуска начался знакомый подъём, Александр как-то автоматически включил левый поворот, отъезжая от фуры в среднюю полосу. В небольшом перерыве между встречными Александр нырнул налево на небольшую асфальтовую дорогу, уходящую вглубь бескрайних полей. С облегчением вздохнул, когда избавился от напряжённой трассы, забитой дальнбойщиками, и тут же вспомнил, о чём просила Наташа: только не через Староберёзов! Ну а как иначе? — мысленно оправдывался он. Опять до позднего вечера ползти за этими бесконечными фурами? «Тогда никто и не выедет от нас, если поздно приеду, если просто опоздаю». Он включил радио, настроенное на волну Чернигова. В приёмнике был еле слышен голос диктора, перебиваемый шумом помех. Километров через пятнадцать-двадцать голос стал чётче, были различимы возгласы про «вельки втраты ворога». Значит, приближаемся к братьям. Всё как обычно, мелькнуло у Александра в голове. За окном проплывали добротно отстроенные серые здания картофелехранилищ.

— Вот она, вотчина нашего губернатора! — невольно вслух произнёс водитель. Он сделал радио потише, готовый в любое мгновение выключить, так как скоро должны были показаться посты. — Боже, губернатора храни! Что бы мы делали без шикарных

староберёзовских сыров, без нашей староберёзовской бульбы? — воскликнул Сашка.

Наконец, за лесополосой, после подъёма, показался райцентр. Блокпост перед въездом в посёлок задержал его минут на пять. Александр медленно ехал по ухабистым с крутыми спусками и подъёмами улицам Староберёзова. Ему невольно подумалось: деревня деревней, а ведь на несколько веков старше столицы!

И вот за последними хатами с яблочными садами выехал на шоссе, где за поворотом — блокпост. Шоссе и обочины были перекрыты массивными бетонными плитами. Между плитами — шлагбаум, ежи. На этот раз к нему подошёл офицер. Поинтересовался: откуда, куда, зачем, осмотрел машину, салон, багажник, прицеп. Вопросов ни у кого не было. До дома остаётся километров тридцать, и асфальт здесь очень хороший положен, несмотря на все события вокруг. Отличная трасса! Только один раз встретилась легковушка, и всё — пустое шоссе.

— Можно и притопить! — Александр снова включил радио Чернигова.

Какой-то военный рассказывал о преимуществах американской военной и немецкой техники по сравнению с оружием «врага». «Столетиями жили вместе, в одни школы ходили, одним мовой-языком говорили, а теперь?! Ведь слышал, как один восточный предсказатель говорил, что мир пойдёт не от столиц, не от других стран, а именно от Чернигова», — думал он.

Над асфальтом низко склонились кроны деревьев, которые в некоторых местах, казалось, соприкасаются с обеих сторон шоссе ветвями. Машина не ехала, а летела, несмотря на прицеп, а мимо проносились деревья с низко опущенными ветвями, где-то между кронами блистало голубое небо. До вечера ещё далеко... «Мир пойдёт от Чернигова!..»

Вдруг он почувствовал в какое-то мгновение: что-то произошло. «Мир пойдёт от...» Какое-то пронзительное ощущение, чем-то напоминающее сильное до боли наслаждение, вдруг возникло внутри. На какой-то миг была непонятная задержка, а потом снова полёт. За какие-то мгновенья он вдруг увидел всё. Он увидел всю свою жизнь: Наташу, сегодня провожавшую его в дорогу, Наташу с новорожденной Светой, Наташу, поющую на сцене красивую украинскую песню, Надежду, рассказывающую ему о нестерпимо сильном свете, умирающую мать, отца, пахущего поле, и — лес... Чудный староберёзовский лес! Он почувствовал какое-то облегчение. Никогда такого не было. Мимо летели стволы деревьев, а их зелёные кроны кружились и кружились вокруг него... Наконец, он заставил себя посмотреть: а что же вокруг? Может, что-то там — внизу? А внизу лежала перевернутая на крышу его «четвёрка», рядом под берёзой — опрокинутый прицеп. К машине подбегали военные в камуфляжных одеждах с жёлто-голубыми повязками на рукавах. Они почему-то продолжали яростно стрелять в его дымящийся автомобиль. А стрелять уже было не в кого — он был свободен. И тут он невольно приподнял глаза и увидел на фоне очень яркого неба — солнце! Сияние этого Солнца было таким ослепительным, что невозможно было поднять взгляд. Это сияние Солнца и манило к себе, и страшило, и...

ТОЛЬКО НЕ ОПОЗДАТЬ!

*Посвящается Валентине Александровне
Васильевой (Кулагиной)*

Возможно, ты будешь догадываться, что я вижу и знаю, где ты и твоя семья и всё, что с вами происходит. Сама ты, несмотря на твой современный, прогрессивный подход к пониманию мира, тоже можешь допустить такую мысль — где я. Знаю, что ты хорошо помнишь ту возвышенность, около кольцевой дороги. Когда медленно поднимаешься по широким ступеням вверх, проходя мимо гранитных плит, запрокидываешь голову, смотришь на зеленеющие ветви лиственниц, сосен, смотришь сквозь них выше, туда, где за серебристо-белыми облаками проглядывает бездонное сине-голубое небо, и еще выше — туда...

Помнишь, как я когда-то рассказывала или хотела рассказать тебе свои детские воспоминания? Сейчас, после всего произошедшего, спустя десятилетия, пролетевшие за мгновение, всплывающее мимолетным сном, я вспоминаю, как это было. Мои воспоминания пятилетнего ребенка навсегда врезались в память. Вспоминаю начало той зимы. Наступили холода, но это была не самая суровая зима для наших мест, и не было ничего необычного в тех зимних морозах, последствия которых спустя десятилетия многие стали преувеличивать. Во всём тогда чувствовалось какое-то колоссальное напряжение: в лицах взрослых родных и чужих людей, в их разговорах. Радио у нас

тогда не было, все напряженно вслушивались в редкие известия и разговоры о том, что происходит вокруг. Напряжение чувствовалось в природе, во всём. Казалось, что даже все предметы стали вести себя как-то по-другому: то дверь громко скрипнет, то щеколда сильно щёлкнет, то ветер в трубе завоет как-то иначе — тревожно. Даже снег начал сильнее скрипеть под ногами, как будто предупреждая о каких-то испытаниях. Морозы крепчали, и бабушка заставляла меня одеваться теплее: под маленькую штопаную телогрейку наматывала на меня старый шерстяной платок. Взрослым приходилось топить избу три раза в день, а то и чаще. Мать с бабушкой тайком, глухими тёмными ночами таскали из нашего сада во двор брусья, из которых когда-то был построен наш сарай. Этот добротный сарай отцу пришлось сломать в конце тридцатых, потом пришлось отдать в колхоз коня, корову, овец, чтобы его не причислили к кулацкому сословию и не сослали в Сибирь. И вот, спустя несколько лет, мать с бабушкой тайком таскали свои же брусья, из которых был построен разрушенный сарай, тихонько пилили их во дворе и топили ими печь.

Начиная с этой зимы и в последующие долгие годы всегда чувствовался дефицит с едой. К напряжению с недоеданием привыкали с трудом, особенно когда кто-нибудь из младших сильно простуживался. Молока в доме не было, обычный белый и чёрный хлеб давно исчезли. Вспоминаю, как несколько раз бабушка просила меня долгое время держать ладонь на груди у моего младшего братишки — Вити. Он тогда сторал от сильного жара.

— Чувствуешь, как у него стучит в груди? — спрашивала она. — Держи, держи, а когда перестанет стучать, то позови, — спокойным голосом говорила она, а потом сама уходила заниматься по хозяйству и с другими детьми. Матери дома почти никогда не было, она много времени проводила на работе.

Тем летом и осенью всем казалось, что напряжение идёт откуда-то с запада, оттуда, где зарождаются грозовые тучи с холодными ливнями. Грозовые раскаты того лета звучали предвестниками больших бед и тревог. Однако в ноябре, после того как земля плотно покрылась снегом, все почувствовали, что основное напряжение идет с юга. Вначале это были непонятные, еле слышимые звуки, но к концу ноября непонятный вначале шум превратился в пугающий грохот. Где-то там, совсем недалеко, километрах в десяти-пятнадцати южнее нашего села стояла линия. Ломаная линия фронта с её невидимыми никому и неведомыми изломами и завитками сотрясала землю вокруг.

В начале осени мать с бабушкой решили собирать какие-то вещи на случай эвакуации, но события развивались стремительно, и к ноябрю всем стало ясно, что бежать было просто некуда. Немец упорно пробивался откуда-то с юга, в сторону Рязани, на северо-восток и на север, в обход Москвы. С начала войны нашу Коломну немец ни разу не бомбил, говорили, что кто-то из родственников бывших немецких хозяев Коломзавода просили Гитлера не бомбить их бывший завод и город. Скорее всего, это были просто разговоры — немцу нужны были коммуникации, чтобы с тыла идти на столицу. Соседние Озёры и особенно Каширу немец начал бомбить ещё в конце октября. Эхо взрывавшихся бомб разносилось по округе быстрее любых новостей, но в начале декабря началось активное противостояние. Линия фронта встала. Потом она задрожала. Вначале непонятный шум превратился в раскаты взрывов. Днём и ночью гремела непрерывная канонада. Долгими зимними вечерами вся южная половина неба озарялась то яркими, то тусклыми всполохами, сопровождавшимися грохотом. Потом постепенно к Новому году всё стихло. В людях затеплилась надежда на то, что после того, как мы вытерпим, выстоим, придёт и победа над врагом, а с ней — мир и спокойствие на нашу землю.

В конце января мама родила нашу младшую сестрёнку. Жизнь, несмотря на смертельные угрозы, продолжалась. В конце зимы и весной, когда линию фронта наши отодвинули далеко на запад, на лицах людей стали появляться редкие улыбки. Я хорошо запомнила весну наступившего года. Ока разливается у нас всегда широко, до изгороди нашего огорода. Мы с бабушкой спустились к окопам, которые были около нашего огорода военные строители-узбеки в начале осени. Начался ледоход. Красивое это зрелище, когда Ока широко разливается на километр-полтора от высокого лесистого берега на той стороне до нашей изгороди, до окопов. Под водой и льдом остаются широкие заливные луга и поля, большие и маленькие озёра, вербы, растущие вдоль озёр. Всё водное пространство от берега до берега оказывается покрытым гигантской движущейся массой снега и льда. Всё приходит в движение. Так было всегда — и раньше, и потом, но только не так, как тогда — весной сорок второго. Тогда на льдинах плыли трупы, трупы наших солдат. Многие с забинтованными головами и руками. Бинты почти на всех трупах были окрашены тёмно-красным, коричневым. Несколько раз видели проплывавшие окровавленные трупы лошадей. На следующий день я спустилась к реке с мамой. Она держала на руках нашу маленькую сестрёнку. Бабушка осталась в доме с остальными детьми. Мы стояли с мамой на пригорке, между окопов, и смотрели на

ледоход, я почувствовала её руку на своём плече. Моя мать, такая неразговорчивая со своими детьми, вдруг заговорила:

— Я бежала за поездом по шпалам, а в животе у меня эта Люська бултыхалась. Наверно, она, как и я, задышалась тогда. Как она это выдержала, не знаю. Я бежала и кричала ему вслед. Бежала я, бежала, споткнулась о шпалы и упала, думала, что так и рожу там, на снегу, на рельсах... Состав, за которым я так спешила, так и не остановился. Эшелон проходил мимо — на фронт. В том поезде ехал твой папка. Его из Кирова, из эвакуации, забрали на фронт. Где он сейчас? Последний треугольник от него пришёл откуда-то из-под Воронежа... — мать замолчала.

Некоторое время мы стояли в тишине, глядя на ледоход, а на льдинах, как и вчера, лежали трупы убитых, забинтованных солдат. Потом мать, всегда такая выдержанная, вдруг заплакала. Я крепилась, я думала, что я стойкая, но из глаз моих независимо от моей стойкости потекли слезы.

— Мама, мамочка, ну чего ты? — я попыталась обхватить её обеими руками, но тут закричала маленькая Люся. Мать мне всегда казалась какой-то неразговорчивой, она постоянно была в делах. Дни и ночи мама проводила на ферме, и дома она тоже всегда была занята хозяйством, а тут разоткровенничалась, расплакалась. Несмотря на кричащую Люсю, мама продолжала стоять на бугре и смотреть на проплывающие льдины с убитыми бойцами.

— Брат мой, Иван, он ведь под Каширой служил. Последнее письмо от него в октябре пришло. Уж полгода, как нет никаких известий от него. Может, и он где-то здесь проплывает мимо нас, среди этих льдин, а мы не знаем.

— Мама, мама! — мне захотелось сказать ей что-то доброе, ласковое, но только я не знала — как. — Мама, так если дядя Ваня где-то рядом, в Кашире, то он обязательно к нам заедет, как тогда, когда он привёз мне деревянную куклу! Помнишь?

Мать на некоторое время прижала меня левой рукой к себе, потом переложила Люсю на левую руку. Малышка после этого притихла.

— Помню, — ответила мать и тихо добавила: — Дай-то Бог. Только вестей от него давно уж нет. А под Каширой было ох как тяжело... — потом мама перекрестилась, перекрестила меня и, шепча что-то неслышимое мне, трижды перекрестила ледоход с телами павших бойцов, проплывавший у наших ног. — Царство Небесное воинам нашим, которые... живы! — полушёпотом проговорила она.

Я не могла не поделиться с тобой своими детскими воспоминаниями, но как донести до тебя это сейчас, после всего? Теперь это сделать практически невозможно, если только... Раньше мне казалось, что я была неправа в воспитании твоего отца, была мало требовательна к нему. Я всё время хотела, чтобы он стал намного лучше, чем тем, каким он был, когда рос, и каким он стал в конце концов теперь, но... Всё теперь идёт по-другому. Отец твой и мать не разговаривают с тобой уже два года, хотя средства связи сейчас доступны как никогда. Я вижу, где и как ты живёшь. Твоя семья хорошо устроилась за деньги, оставшиеся от твоего деда. Деньги, которые доставались ему тяжёлым трудом, на серьёзной, ответственной работе. В конце концов он так и сгорел на своей работе, не завершив задуманные дела на благо своей страны. Я часто укоряла твоего отца в том, что он живёт на всем готовеньком, что пользуется тем, чего сам не заработал. Зато теперь вы живёте в комфорте, в тёплой, уютной, далекой стране. Тебе теперь можно всё. Ты позволяешь себе очно и заочно поливать грязью свою бывшую родину, её народ. Такая вседозволенность, такая лёгкость чувств, поступков, такая кажущаяся лёгкость бытия. Но... У тебя уже нет своей родины, у твоих детей теперь тоже нет родины. Да, ты сейчас, проедаая и пропивая трудовые деньги своего деда, продолжаешь поносить страну, в которой родилась ты, твой муж, твои дети. В конце концов, ты поносишь память своих прадедов, дедов. Пройдёт не так уж много времени, ведь человеческая жизнь — одно лишь мгновение, и до тебя, надеюсь, дойдёт, что путь твой — в никуда, но, может быть, тогда будет поздно.

Теперь с высоты времени и пространства мне трудно до тебя что-то донести, но я собираюсь, я буду к тебе приходить. Пусть это будет совсем не просто, но я постараюсь делать это, конечно, далеко не каждую ночь, но... Я постараюсь. Понимаю, что не смогли твои родные отец и мать дать тебе веру — это их беда. Они не смогли дать тебе то, что нужно для жизни и, главное, для будущего — твоего и твоих детей. Истинную веру. Веру в свою страну и свой народ. Поэтому, хоть изредка, я буду напоминать тебе о твоём прадедушке, участнике той великой войны, которого ты застала и хорошо знала. Я буду напоминать о бомбёжках, под которые он попадал, о боях с немцами, про которые он совсем не любил рассказывать. И ещё я постараюсь приходить к тебе любимой рекой твоего отца. Да, когда-нибудь я внезапно приду к тебе в твоём беспокойном сне ледоходом разлившейся реки Оки весной сорок второго года. Ты увидишь на льдинах...

Я верю, что всё переменится к лучшему, но... Только бы не опоздать!